

УДК 17+32

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН
г. Екатеринбург. E-mail: lfishman@yandex.ru

ГЕРОИЗМ И УНИВЕРСАЛИЗМ¹

В статье выявляется связь между героической этикой и ценностным универсализмом. Героическая этика, на первый взгляд, представляется противоречащей всякому ценностному универсализму. Однако в статье обосновано, что добродетели героической этики являются необходимым условием для достижения каких-то универсальных, «внешних» человеку целей. Также показано, что героическая этика апеллирует к универсальной и древней как мир идее переделки себя, чтобы повысить свои возможности, изменить свою природу. Утверждается, что именно дискредитация героической этики и отказ от нее вследствие культурной революции 1960-х гг. способствовали упадку левого движения и воспроизводству исповедуемых им универсальных ценностей.

Ключевые слова: Героическая этика, этика принципов, добродетели, универсализм, контркультура, левые.

На сегодняшний момент стало популярным противопоставление этики принципов и этики добродетелей. Этика принципов основана на неких общих представлениях о справедливости, о том, как должен поступать человек по отношению к любому другому члену общества вне зависимости от того, связан ли он с ними семейными, дружескими, корпоративными или иными узами. Без подобных ценностей существование современного общества мыслится невозможным. Этика же добродетели переклещивается с мотивов и результатов на характер человека. Ее основной вопрос не «что я должен делать», а «каким я должен быть, чтобы считаться хорошим человеком». Поэтому трансцендентные, «внешние» этические эталоны заменяются фактическими образцами поведения. Главными становятся не этические принципы и когерентность универсальных этических построений, а проблемы подходящего воспитания человека, формирования индивидуальных черт его характера – предрасположенности к добродетельному поведению [4, с. 68].

Исходя из этих характерных черт этика добродетели противопоставляется этике принципов как единственная этика, имеющая прямое отно-

¹ Статья подготовлена при поддержке программы Отделения общественных наук РАН, проект № 12-Т-6-1002 «Эволюция социально-политических и правовых регуляторов современного общества».

шение к реальному человеческому существованию, этика гораздо более древняя и укорененная в человеческой природе, нежели любая этика принципов как гораздо более позднее явление. В определенной мере такое представление оправданно. Однако остается без ответа вопрос: почему вообще возникла этика принципов? Как для конкретных людей, укорененных в культуре с доминирующей этикой добродетели стал возможен переход от чего-то предельно «жизненного» и частного к абстрактному и универсальному? С другой стороны, *как вообще ценности становятся универсальными?* Вряд ли для этого достаточно простой декларации этого универсализма, утверждения изобретателя новой истины, что данная ценность касается всякого человека и всего человечества, апеллирует к природе человека и т.д. Если не в «природе человека», то в его этических установках должно быть нечто такое, благодаря чему переход от этики добродетели к этике принципов оказывается возможным.

Наша точка зрения: этика принципов, моральный универсализм, не могла бы вырасти без воздействия определенной разновидности этики добродетели – героической этики. Не случайно ее избегают приводить в качестве примера сторонники этики добродетели, ибо героическая этика – грань, на которой выявляется как преимущество этики принципов и этики добродетелей, так и желание сторонников этики добродетелей избежать наиболее острой постановки вопроса об основаниях этой этики. Героическая этика, как мы покажем в дальнейшем, способна демонстрировать в том числе и крайнюю степень универсализма, она обладает универсализмом, который происходит из распространенности самой ситуации войны и борьбы, ее тесной переплетенности с политикой и моралью.

Приступая к обоснованию нашей точки зрения, мы должны отметить, что ценности, имеющие универсальное или локальное значение, не «висят в воздухе». Необходимы, во-первых, институты и практики, которые их поддерживают, во-вторых, некоторый склад характера, чтобы им следовать. Последний и называется добродетелями. Словом, нужны определенные добродетели просто для того, чтобы быть моральным человеком. Вопрос «что это за добродетели» – второстепенный, по крайней мере список добродетелей может варьироваться.

Но какие добродетели нужны для того, чтобы ценности, исповедуемые добродетельными людьми, стали универсальными? Когда в истории появляется ценностный универсализм и что ему предшествует такого, что делает возникновение его возможным, становится мостиком от локальных этосов племен и социальных групп к неким общим моральным и религиозным нормам?

Наиболее важные социальные факторы, связывающие людей разных племен и культур и предшествующие ценностному универсализму, это торговля и война. Не случайно само слово «ценность» имеет торговое происхождение. Но война в еще большей степени является универсальным фактором. Во многих государствах древности, как замечает Э. Крик, «господствующим слоem были воины, на первом месте стояли их идеальные

ценности и добродетели, и они определяли весь общественный порядок, а также структуру функций. Воинскими были религия, нравственность, поэзия, техника. Даже язык в словообразовании и синтаксисе воплощал дух и ценности воина. Все, что господствующий слой считал бесполезным или опасным для общества, отбрасывалось... Воинский тип не обязательно является государствообразующим, политическое господство не обязательно является его монополией. Господствующим слоем может стать и сословие ученых или кормильцев и подчинить себе воинов. Но, как правило, больше всего задатков для политического господства имеют именно воины» [5].

Так или иначе, война жестче испытывает человека, нежели торговля, обнажает его природу перед лицом смерти. Участие в войне предполагает наличие у ее участников определенных добродетелей, которые образуют героическую этику.

Героическая этика – этика воинских добродетелей – включает в себя храбрость, способность к самопожертвованию, волю, верность, честь, самопреодоление. Это первоначально этика воинских сословий, потом происходит ее расширение на иные группы населения. Какого рода универсализмом эта этика обладает? Исторически героическая этика может претендовать на универсализм в той мере, как на него претендует любая разновидность этики принципов. Моральный универсализм (также названный моральным объективизмом или универсальной этикой) является метаэтическим положением, которое некоторая система этики или универсальная этика, применяет независимо от культуры, расы, пола, религии, национальности, сексуальности или любого другого отличительного признака. Это своего рода киплингский универсализм сильных:

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд.
Но нет Востока и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?*

Этот интернациональный универсализм нигде на протяжении истории полностью не исчезает, более того, играет важнейшую роль в распространении любого религиозного, этического, политического универсализма.

Другая грань универсализма, с которым связана героическая этика, обусловлена универсальностью ситуации преодоления своей слабости ради получения нового качества. Несмотря на ужасы войны человеку в ситуации борьбы и войны импонирует соблазн расширения собственных возможностей, преодоления своей слабости, трансформации себя в иное, высшее качество. Человек, пусть и нередко страшной ценой, выходит из ограничивающей его рутины повседневности, преодолевает рамки своей несовершенной природы. Пусть он слаб и боится умереть, но его неизменно возвышает тот факт, что он все же оказывается способным возобладать над своей слабостью и предпочесть жизни нечто высшее – честь и верность. Следование чести и верности дают человеку новое качество, которым он так дорожит, что не боится смерти ради его сохранения. Понят-

но, что этот тип универсализма общий для эллина и иудея несколько не в меньшей степени, чем любая евангельская истина.

Поэтому героические добродетели военных и аристократов оказываются в первую очередь востребованными, когда новый универсализм нуждается в преданных адептах, не боящихся преследований и смерти. Адепты могут слабо разбираться в теологии, однако их объединяет близкий и понятный им дух воинского братства, верности товарищам. Более того, риторика героических ценностей отлично накладывается даже на вроде бы чуждые, далекие от милитаризма, установки светского и религиозного гуманизма.

Так, христианство, пример которого для нас имеет наибольшее значение в силу принадлежности к европейской культуре, быстро освоило милитарно-героическую риторику. Например, язык апостола Павла насыщен символами и сравнениями из военной жизни: «отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света» (Рим., 13, 12), «с оружием правды в правой и левой руке» (Кор. II, 6, 7), «Мы же, будучи сынами дня, да трезвимся, облечшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения» (Фес. I, 5, 8), «Переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа» (Тим. II, 2, 3). Согласно Павлу, «меч – это слово божие, шлем – надежда» и т.д. Для христианина «воинствовать», жить по-христиански, чувствовать и ощущать по-христиански – значит вести борьбу.

В дальнейшем, как отмечал Тойнби, миссионер в христианстве воспринимался как «воин божий»; христианский обряд крещения был приравнен святым Киприаном к армейскому обряду инициации – присяге, которая приносилась новобранцем, вступающим в ряды римской армии. Как и воин, христианин должен остерегаться непростительного преступления – «дезертирства», равно как и «нарушения долга». Как и у римского воина во многих случаях «плата за проступок» (грех) – смерть (Тертуллиан). По Тертуллиану, вообще обрядовые и нравственные обязанности христианской жизни приравнены к военному «обмундированию». «В его терминологии пост – это караульная служба, а ярмо, которое, по словам евангелиста Матфея, «легко есть», – это «легкий багаж Господень». Кроме того, преданная служба воина христового вознаграждается по выполнении «Божьими наградами». Кроме наградных, воин может ожидать выдачи пайка до тех пор, пока он исполняет свои обязанности. Крест – это военное знамя, а Христос – главнокомандующий (Imperator)» [7, с. 340].

Влияние героических ценностей на христианство было столь велико, что до определенной степени можно утверждать, что именно героические ценности, затем преобразованные в рыцарские, придали христианству его характер. Н. Бердяев, для которого рыцарская, аристократическая, мораль сама по себе – мораль ценности – в связи с этим отмечал: «Христианство – аристократично, иерархично, оно обращено к ценности, к качеству, к индивидуальности. И вместе с тем христианство всенародно-универсально, оно есть спасение всего мира, всех и вся до последней былинки, оно всех призывает на мессианский пир. Христианство признает абсолютную ценность всякого человеческого лица, но это признание ничего общего не

имеет с демократической механикой количеств. ...Рыцарская мораль аристократизма не может никого угнетать и поработать – она есть мировое служение, всегда жертвенное. Рыцарь жертвует собой и своим благом, но никогда не жертвует ценностью, абсолютно верен ценности» [1, с. 473].

Мы уже не говорим об исламе, основатель которого был одновременно и военным вождем и который в еще большей степени, чем христианство, пронизан героической этикой.

В эпоху становления национальных государств, эпоху Модерна, отношение к воинской этике двойственное. Она, с одной стороны, осуждается как призрак прошлого: например, позитивисты пророчесствуют о переходе от военного общества к промышленному. В то же время в процессе демократизации европейских (и не только) обществ происходит их милитаризация, которая сопровождается воспитанием граждан в воинском духе.

Еще более показательным то, что в объяснении общества возрастает роль милитарных метафор, которые становятся необходимой частью самосознания человека эпохи идеологий и утопий. Чрезвычайно показательным, что после Великой Французской революции приобретает популярность концепция классов и классовой борьбы как движущей силы истории. Имущественные отношения объявляются основой общества, история рассматривается как смена систем имущественных отношений, а классовая борьба как сила, определяющая переход от одной такой системы к другой и таким образом – ход истории. Также показательным, что многие историки того времени рассматривали само возникновение классов как результат *завоевания*.

В этой ситуации не удивительно, что политическая борьба как отражение классовой пропитывается теми же милитарными метафорами. Вожди прибегают к мобилизации своих сторонников, рассматривают партии как армии со своими уставами, дисциплиной, верностью идее. От участников борьбы нередко требуется идти на жертвы во имя какой-то идеи, вплоть до самопожертвования. От партийных бойцов требуются те же добродетели, что и от обычных. Соответственно и идеи, за которые люди готовы терпеть лишения и погибать, приобретают характер сверхценностей, что роднит их с религиозно-универсалистскими.

При этом мы должны отметить следующее: аналоги теорий и политических учений эпохи Модерна можно без труда обнаружить уже в эпоху Просвещения, если не раньше. В них есть многое, что роднит их с идеологиями и утопиями позднейшего времени, но они «не дотягивают» до идеологий и утопий по степени претензий на ценностный универсализм. Лишь политическая востребованность в эпоху обострения классовой борьбы, которая «добавляет» им героическую этику, превращает эти умозрительные учения о прогрессе, равенстве всех людей и социальной справедливости в аналоги религий с устремлениями всемирного характера.

Мировые войны, тем не менее, четко очерчивают пределы универсалистского потенциала героической этики. Национальные государства начинают воспитывать своих граждан в воинственном духе, прививая им ценности скорее даже не рыцарей средневековья, а воинов-граждан античного полиса или варварских племен прошлого. Будучи перенесенными в

сферу политических идей Просвещения и Модерна, эти ценности во многом способствовали их распространению и универсализации. Они обеспечивали универсальные ценности своего рода «человеческой инфраструктурой», добродетелями, благодаря которым они только и могли распространяться и воплощаться в жизнь. Но будучи взяты на вооружение буржуазным национальным государством, они выявили свой огромный разделяющий потенциал. Члены национальных воинских братств на протяжении двух мировых войн с не меньшим энтузиазмом убивали друг друга, чем до того боролись за прогресс и справедливость. Быстрый развал мирового социалистического движения с началом первой мировой войны это блестяще продемонстрировал.

Так или иначе, после второй мировой войны происходит дискредитация героической этики. На уровне военной организации происходит замена призывной армии профессиональной.

Но главный удар героическая этика получает от культурной революции 1960-х гг. Героизм и героическая этика – это когда человек ставит себя на кон ради чего-то высшего в себе и вовне. Но андеграунд бунтует против внешних рамок, которые ограничивают (репрессируют) его природу, его чувственность, делают его слабым, отчужденным и т.д.

Словом, культурная революция поставила под сомнение саму онтологию героических ценностей, устранив понятие о человеке-каким-он-должен быть.

Художественное творчество этого периода, отмечает А. Коряковцев, «уже изображало не предел человеческого совершенства, как это свойственно классике (кстати, равно как и массовой культуре), а выход за заведомо пред-данные рамки, «полёт над гнездом кукушки», по выражению Кена Кизи. Не то, каким человек может быть сообразно некоему образцу, а то, каков он есть сам по себе как человек. Разрушение классических изобразительных форм авангардистами, дадаистами, футуристами и т.д., а затем мастерами поп-арта адекватно передавал свойственное человеку той эпохи ощущение преодоления пред-данного извне масштаба. Само по себе уничтожение каких бы то ни было границ обнаружило свою красоту. Бесспорно, об этом говорилось и в прежние времена. Но тогда это изображалось красивой и возвышенной борьбой Героев с большой буквы – вагнеровских Зигфридов, бетховенских Титанов, скрябинских Прометеев. Сейчас же против отчужденных социальных форм восстал простой человек, чтобы именно в этом бунте проявить свои лучшие человеческие качества. Человек аморальный и похотливый, как Макмёрфи у Кена Кизи или персонажи В. Берроуза и Д. Керуака, эгоцентричный, как Посторонний у А. Камю и любители погулять по «Дорогам свободы» Ж.-П. Сартра, патриархально простоватый, как хоббит у Дж. Р. Толкина, истеричный и слабый, как безымянный герой в пинкфлойдовской «Стене» [3, с. 94].

В контркультурном бунте героизм как самопожертвование не требовался. Бунт, осуществляемый во имя неотчужденной человеческой природы, на деле являлся бунтом просто во имя себя-какой-ты-есть. Можно жертвовать собой ради себя идеального, но не себя наличного. Но пред-

ставления о себе-идеальном, равно, как и о социальном идеале, в арсенале культурных революционеров не было.

Контркультурные ценности повлияли на левых не лучшим образом. Как верно замечает Д. Жвания, «именно в мае 68 года левое революционное движение подхватило инфекцию, которая расслабила его.

1960-е гг. – время раскрепощения и снятия табу, а также «расширения сознания». Sex, Drugs, Rock-and-Roll – святая троица конца 60-х гг. и лозунг хиппи. «Make love, not war» («Занимайтесь любовью, а не войной»), «All You Need Is Love!» («Все, что тебе нужно – это любовь!») – вот вся философия хипповской эпохи, из которой вышли те, кто создал нынешние левацкие организации. Хиппи и их левацкие друзья зачислили спорт в тоталитарные фашистские практики. Ведь спорт основан на такой государственной и армейской добродетели, как дисциплина. Спорт – это насилие над собой и очень часто над другими. Он раскаляет агрессивные страсти и развивает дух соперничества. Спорт – это облегченная форма войны, а отнюдь не любви, на которой помешалось поколение хиппи» [2].

В итоге зараженное вирусом контркультуры левое движение отказалось от героической этики. Однако оставалась потребность в некоем образце для подражания – в заместителе героя старого типа. Этого старого героя заменил новый – не полноценный герой, как воин и борец, а герой пассивный, жертва. Его главное желание заключалось в том, чтобы жить в соответствии со своей неотчужденной природой. Идеологи контркультуры стремились представить уже одно это как своего рода подвиг и вызов, за который репрессивное общество героя нового типа тем или иным способом убивало. (См., например, анализ фильма, являющегося бескомпромиссным изложением контркультурной идеологии 1960-х гг., «Красота по-американски» [8, с. 70-75]).

Таким образом, у левых в лучшем случае осталась героическая риторика без героической этики, которая подразумевает *практику*, воспитывающую определенные добродетели. Отсутствие нужных для реализации морально-политического универсализма добродетелей привело левых к простому тиражированию фразеологии борьбы. Но это касается не только левых. Так, современный однозначно правый российский политический режим активно спекулирует риторикой национальной, культурной и прочей подобной идентичности, пытаясь легитимировать себя посредством апелляции к Победе в Великой отечественной войне, создает моду на традиционалистские ценности и т.д. Во всем этом без труда можно найти историческую героическую подоплеку. Тем не менее, российский режим вовсе не стремится всерьез воспитывать российских граждан в духе героической этики (это опасно, поскольку может привести к возрастанию их политической активности), предпочитая иметь дело с пассивными потребителями. Понятно, что такого рода стратегия не может долго быть успешной [6, с. 54]. Риторика ли идентичности, риторика ли борьбы за равенство возможностей и социальные права, утратив связь с героической этикой, в равной степени оказываются обреченными на поражение.

Однако главное значение утраты героической этики заключается в другом. Добродетели героической этики – не только инструмент для достижения каких-то универсальных, «внешних» человеку целей. Героическая этика потому и не утрачивала своего значения на протяжении веков, что в ней человек предстает одновременно и как главная цель. Это происходит потому, что она апеллирует к универсальной и древней как мир идее переделки себя, чтобы повисить свои возможности, изменить свою природу. (Не в этом ли и заключается смысл всякой подлинной революции?) Иными словами, героическая этика является универсалистской практикой, которая обеспечивает антропологическое основание для всякого иного универсализма. Сегодня эта универсалистская практика преимущественно является достоянием разного рода праворадикальных движений, левым же остались обломки идей, когда-то имевших универсальное значение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.
2. Жвания Д. Неспортивное поведение. URL: <http://www.rabkor.ru/authored/12937.html> (проверено 22.05.2012 г.).
3. Коряковцев А. Что такое «молодежная субкультура»? // Урал. 2006. № 9. С. 86-99.
4. Куренной В. Этика добродетели: предисл. к публ. // Логос. 2008. № 1(64). С. 59-69.
5. Крик Э. Преодоление идеализма. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/krik_preo/03.aspx (проверено 22.05.2012 г.).
6. Мартынов В.С. Инволюция элиты в обществах Модерна // ПОЛИТЭКС: Полит. экспертиза, 2010. Т. 6, № 3. С. 34-56.
7. Тойнби А.Дж. Исследование истории: Цивилизации во времени и пространстве. М.: АСТ, 2009. 863 с.
8. Хиз Дж., Портер Э. Бунт на продажу. М.: Добрая кн., 2007. 456 с.

Материал поступил в редколлегию 28.05.2012 г.

HEROISM AND UNIVERSALISM

Leonid G. Fishman, Doctor of Political Science, senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg.
E-mail: fishman@yandex.ru

Abstract: the article reveals connection between heroic ethics and universalism of values. At the first glance, heroic ethics contradicts any form of the universalism of values. However, the article proves that the virtues of heroic ethics provide necessary conditions for the achievement of the goals, which are universal and “external” to man. It is also shown that heroic ethics appeals to the universal and traditional idea of self-transformation, which gives human being a chance to improve the ability to change his nature. The author argues that both the decline of the Left Movement and the crisis of its values were caused by the discrediting and rejection of heroic ethics due to the cultural revolution of the 1960th.

Keywords: heroic ethics, ethics of principles, virtues, universalism, counterculture, Leftists.